

САГА
КНИГА 3

18+

Наталья Кирпилянская

Поместье "Дикая лаванда"

Возмездие Сага Книга 3

«Автор»

2026

Кирпилянская Н.

Поместье "Дикая лаванда" Возмездие Сага Книга 3 /
Н. Кирпилянская — «Автор», 2026

Продолжение эпической саги о любви, способной противостоять даже богам. На следующий день после свадьбы София и Михаил отправляются на Алтай. Однако их медовый месяц превращается в борьбу за выживание. Безмятежные прогулки по берегам Катунь и ночи в уединённом доме обрываются поджогом: пророчество Великой Анны сбывается и охота за кольцом Тора начинается. В борьбу вступают: ульфхендар – Вук, Матвей – бывший Софии, Верховный клан Рерьернингов, Валентин, Аннетт, друзья Михаила и Софы и сами древние боги. Алтай и Асгард. Два мира. Одна судьба. Именно здесь решится будущее рода Великой Анны – и здесь же зародится великая сила – разящая и спасающая одновременно. Это история о любви, которая не боится древних проклятий, и о выборе, который приходится делать, когда на кону – жизнь близких. Продолжение следует.

Содержание

Дисклеймер	5
Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	20
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Наталья Кирпилянская

Поместье "Дикая лаванда"

Возмездие Сага Книга 3

Дисклеймер

«Романтическая история, усиленная мистикой и легендами. Любые совпадения с реальными людьми, как живыми, так и умершими, случайны. Авторская интерпретация не претендует на историческую или фольклорную достоверность. Все магические элементы и сюжетные повороты являются плодом творческого воображения автора».

Глава 1

– Мишка! Друг! Как же я рад тебя видеть! Шатун, дружище! – мужчина, крепко сжал протянутую руку Михаила, и потянул его в объятия. – А ты не изменился, всё такой же, как и восемьдесят лет назад.

– Да и ты, я смотрю, недалеко ушёл, Вук, – рассмеялся Михаил и дружески похлопал черноволосого мужчину по плечу.

Старые друзья ещё раз крепко обнялись, и тогда Михаил, улыбаясь, посмотрел на меня.

– Милая, знакомься. Это мой старый друг – Сергей.

– Сергей, это моя жена – София.

Он обнял меня за плечи, и нежно поцеловал в висок. Я встретила взглядом с мужчиной, и, улыбнувшись, протянула руку:

– Рада знакомству.

Мы прилетели на Алтай.

Как вы думаете, что может заставить сердце биться чаще – не от страха, а от восторга? Для меня это момент, когда открываешь глаза и видишь за окном величественные горы в ослепительно белых шапках, не тающих даже в разгар лета. Воздух здесь настолько чист и свеж, и когда ты вдыхаешь его полной грудью, то каждая клеточка твоего тела наполняется животворящей силой. Это дыхание волшебного мира, смешанное с ароматом хвои кедров и горной полыни.

В начале июня земля здесь раскрывается буйством красок, но таких, какие возможны лишь здесь. Луга стелются не просто ярким ковром, а красивым паласом из огоньков ярко-оранжевых жарков и лиловых водосборов, местные называют их «орлики». Воздух пьянит сладким ароматом и густым букетом, где слышен медвяный дух бадана и тонкая горьковатая нота золотого корня. Река, такая бурная и стремительная, прокладывает путь между скал, отполированных ледниками до зеркального блеска. Это многоголосый рокот: где-то вода глухо гудит, прорываясь под нависшими каменными арками, а где-то звонко разбивается о россыпи яшмовой гальки. По её берегам раскинулись изумрудные лужайки, но стоит присмотреться, оказывается, что это заросли маральего корня, и среди сочной зелени мелькают робкие, спрятанные от мира, фиалки.

Особенно хорошо здесь вечером, у костра. Шум реки убаюкивает, но к нему примешивается далёкий, леденящий душу крик марала и сухой перестук каменок-плясуний среди осыпей. Дым костра смешивается с туманом, рождённым резким перепадом дня и ночи. Все тревоги медленно растворяются в этом величественном, всеобъемлющем спокойствии, которое не подавляет, а обволакивает.

А ночью! Эти ночи я не забуду никогда. Небо – ясное, бездонное, кажется, рукой можно дотянуться до звёзд, которые здесь горят особенно ярко. Млечный Путь не просто струится, а похож на гигантскую снежную тропу, протоптанную через тёмную тайгу небес, духами гор. И вокруг – ни единого земного огонька, лишь холодное сияние вечных светил, отражающееся в горных озёрах и призрачное свечение вершин, покрытых вечным снегом.

Это место называют по-разному, но для меня оно навсегда останется тем самым уголком земли, где природа сотворила настоящий рай, собрав воедино то, что не встретишь больше нигде: неистовую мощь рек, высекающих яшмовые каньоны, безмолвную мудрость величественных кедров, помнящих далекие времена, и нежную хрупкость альпийского мака, пробивающегося у самой кромки льда. Это Алтай.

Миша сделал мне еще один свадебный подарок, и медовый месяц – точнее две недели, мы должны были провести в этом волшебном крае. Но нам пришлось здесь задержаться...

Как бы мне ни хотелось отгонять дурные мысли, пророчество было неизбежно, и день, когда оно должно было сбыться, неумолимо приближался.

Но давайте вернёмся на несколько дней назад...

На следующее утро после свадьбы я открыла глаза и улыбнулась. Вдохнув смесь ароматов – лаванды и свежего лесного воздуха, доносившегося из распахнутого окна. Я сладко потянулась, вспоминая прошедшую ночь. Миши рядом не было. Сев на кровати, я оглядела комнату. Всё стояло на своих местах. Казалось, наша бурная ночь, оставившая после себя хаос, была лишь сном.

Я встала, накинула лёгкий батистовый халат и подошла к столу: налила воды из кувшина, сделала пару глотков и посмотрела на лежавшее рядом кольцо. Я поставила стакан на стол и взяла его в руки. Такая маленькая вещь – и такая в нем сила. Истинно разрушительная сила – в руках того, кто жаждет власти над миром, и истинно защищающая – в добрых руках. Разговор с Великой Анной не выходил у меня из головы. Мысль о том, что за кольцом, а значит и за нами, началась охота, не давала мне покоя, но пока царили тишина и спокойствие. Беспокойные сны отступили, и, посчитав это добрым знаком, я немного успокоилась. Может, всё ещё обойдётся, и мы наконец заживём мирно в нашем уютном уголке? Я очень надеялась, что пророчество не сбудется. Я взглянула на кольцо ещё раз и надела его на палец. Посмотрела на обручальное, улыбнулась и тихо прошептала: «Ну вот Софа, теперь ты – жена».

– Моя любимая жена, – так же тихо прозвучал у моего уха знакомый голос.

Я обернулась и увидела сияющее лицо Миши. Он стоял с большим букетом полевых цветов.

Я взяла букет, вдохнула аромат утреннего луга, уткнулась лицом в цветы, и вынырнув из этого летнего облака, обняла его и нежно поцеловала.

– Спасибо. Где ты был? – тихо спросила я, заглядывая в его глаза, проводя рукой, по гладко выбритой щеке.

– Это сюрприз, – прошептал он в ответ, целуя меня.

Лёгким, почти невесомым движением я сбросила халат и зелёная ткань беззвучно соскользнула на пол.

Я игриво улыбнулась: – Какой сюрприз? Расскажешь?

Михаил посмотрел на меня голодным взглядом и глаза его загорелись. В этот момент он был зверем, почувствовавшим власть над добычей. Он быстро сбросил с себя одежду, взял меня на руки и понёс к кровати.

– Расскажу. Но не сейчас. Сейчас я хочу только тебя.

Он положил меня на мягкую прохладную постель и его руки – не терпящие возражений – заскользили по моему телу. Я слышала, как бешено бьётся его сердце, готовое выпрыгнуть из груди от возбуждения. В этом зверином порыве страсти звучали – нежные слова – тихие и опьяняющие. Я слушала его голос, биение его сердца и просто отдалась этой страстной игре наших тел.

Когда наша страсть достигла предела и улеглась, оставив после себя лишь тихое, сладкое опустошение, я прильнула к его плечу, слушая, как его дыхание постепенно выравнивается. Он обнял меня и крепко прижал к себе. Мне нравилось чувствовать его силу, эту грубую мощь – знать, что я под защитой, даже несмотря на своё бессмертие. Но дело было не только в физической мощи... Мне дорого было это чувство – чувство его надёжности, спокойствия, той духовной твердыни, что стояла за каждым прикосновением. Я знала – этот зверь никогда не причинит мне боли. Он будет защищать меня, нашу семью до последнего вздоха, если потребуется.

Я смотрела в его золотисто-карие глаза и тонула в них, без остатка. А Миша смотрел на меня, нежно проводя ладонью по моей коже.

– Мне до сих пор не верится, что ты со мной. Ты – моя жена. И мы будем вместе, целую вечность. Когда я впервые увидел тебя там – в Долине лотосов, я сразу влюбился. Но даже

подумать не мог, что ты примешь меня... таким. До нашей встречи я и не думал, что у меня может быть семья. Я привык быть один. Но ты... Ты, как сумасшедший магнит для меня. У меня нет сил противостоять тебе. Даже в зверином рыке звучит твоё имя, даже в бессмертной крови горит огонь твоей любви. С каждым днём мое желанье к тебе растёт. Эта страсть сильнее меня. Раньше я мог управлять собой, но стоило мне увидеть твой взгляд, твои глаза... – он замолчал, и его лицо стало серьёзным, почти строгим. – Софа, ты – ведьма. Настоящая ведьма, которая околдовала меня.

Секунду его взгляд был неумолим, но потом по лицу вновь поползла улыбка.

Я томно взглянула на него и прошептала, едва слышно:

– Ты меня раскусил.

А потом вскочила и набросилась на него, осыпая поцелуями каждый миллиметр его лица, приговаривая:

– Зацелую тебя до смерти! Раз уж ты узнал, кто я на самом деле, мне придётся с тобой разобратся!

Михаил рассмеялся, перехватил мои руки, ловко перевернул – и вот он уже сверху, а я под ним, захваченная его силой.

– Не спеши, – прошептал он, в его голосе прозвучала тёплая усмешка. – Может, ты и ведьма, фурия, которая прячется в этом нежном розовом облаке... но мне это только нравится.

Он коснулся губами моей шеи, чуть ниже уха. Я закрыла глаза – и мы снова погрузились в сладостный, бездонный океан нашей страсти.

Мы лежали рядом, переплетённые, тишина комнаты была густой и сладкой, как мёд. Луч солнца медленно полз по полу, приближаясь к кровати.

Михаил сел и посмотрел в сторону окна. Он был расслаблен, но я почувствовала, что его что-то тревожит. Я приподнялась и осторожно коснулась пальцами его шрама на спине, провела рукой от плеча до самого конца рубца. «Сколько боли и мучений он пронес через себя и свое тело, за свою долгую жизнь», – подумала я, прижалась к нему и обняла за плечи.

Миша повернул голову и поцеловал моё плечо. Его губы были горячими, тепло после поцелуя приятно разошлось по моему телу.

– О чем ты задумался?

Он развернулся ко мне и взял меня за руку. Его пальцы задержались на кольце.

– Хорошо, что ты его надела.

– Да, – тихо ответила я. – Оно часть меня теперь. Как и ты.

Он молча кивнул, его взгляд стал сосредоточенным, отстранённым. Я почувствовала лёгкий холодок тревоги.

– Что тебя тревожит? – снова спросила я, касаясь его лица.

– Меня беспокоят слова прародительницы. Ее предостережение нельзя игнорировать. Охота началась... но больше всего меня тревожит это затишье. Ни малейшего намека, что кто-то собирается напасть. У меня плохое предчувствие – что-то надвигается, что-то очень серьёзное, и это даже не берсерки. Что-то намного страшнее. Не знаю, что – просто чувствую, – он посмотрел на меня, взгляд его был серьёзным.

– Милый мой, любимый мой... Посмотри на это с другой стороны. Ведь если бы что-то действительно произошло, я увидела бы это. Но пророческие сны мне давно не снятся. И я считаю, что это хороший знак. Кольцо с нами, ты рядом, мы сильны и бессмертны. Пророчества не всегда сбываются. Будущее может быть изменчиво. В конце концов, у нас медовый месяц. Или ты забыл? – я лукаво приподняла бровь и улыбнулась.

– Может ты и права, – он посмотрел на меня и опрокинул на постель, хищно улыбнулся, прежде чем его губы жадно слились с моими.

Но вдруг оторвался и взглянул на часы, затем – на меня, и произнёс: – Сюрприз. Совсем забыл. Мы опаздываем. Софа, собирайся быстрее. Возьми только самое необходимое – остальное купим на месте.

Я, не понимая, приподнялась на локте: – На каком месте?

– Это сюрприз, – таинственно бросил он, уже натягивая рубашку, и, торопливо поцеловал меня в щёку.

Я спрыгнула с кровати и помчалась в ванную, сердце забилося в предвкушении сюрприза.

Спустя десять часов перелета мы наконец приземлились.

Самолет коснулся посадочной полосы с легкой вибрацией и мир за окном, еще недавно бывший белой бездной облаков, обрел твердые очертания. Михаил выпустил мою руку, которую не отпускал почти весь полет. Его ладонь, которая так уверенно знала каждую линию моего тела – теперь потянулась к ремню, освобождая нас. В его движениях читалась привычная, хищная собранность, но глаза заблестели от того самого мальчишеского азарта, с которым он затеял этот сюрприз.

Дверь открылась, и в салон ворвался воздух – не ледяной клинок, а плотный, упругий поток, напоенный ароматами. Он пах талой водой с горных вершин, влажной землей после дождя, молодой хвоей и чем-то сладковато-пряным – может быть, цветущими в долинах травами. Это был запах пробуждения, запах начала лета в крае, где зима не сдает позиции без боя.

Его рука вновь легла на мою спину, ведя меня по трапу. Прикосновение было нежным и уверенным. Солнце, уже клонившееся к закату, заливало полосу теплым медовым светом и бросало длинные тени от далеких, все еще покрытых снежными шапками пиков. Их величие не давило, а, казалось, обнимало эту маленькую, затерянную среди гор равнину с аэропортом.

– Нравится? – его голос прозвучал прямо у уха, низкий и насыщенный теми самыми ночными интонациями, от которых по спине пробегали мурашки.

Я кивнула, не в силах оторвать взгляд от изумрудной долины, прорезанной лентой бирюзовой реки. Это была другая красота. Не та, что в Долине лотосов – нежная, дремотная, заколдованная. Здесь все было ясно, грандиозно и честно. Каждый камень, каждый лесной массив говорил о древней, бурной силе.

Мы шли к зданию аэропорта, маленькому и уютному, и его пальцы сплелись с моими. Я поймала Мишин взгляд – он сканировал горизонт, не тревожно, а оценивающе, как хозяин осматривает владения, за которые несет ответственность. Тишина этих гор могла быть и благословением, и затишьем перед бурей.

Но когда он обернулся ко мне, тень рассеялась и сменилась той самой хитрой, обещающей улыбкой.

– Дальше интереснее, – пообещал он.

Внутри здания царил неторопливая, почти домашняя суэта. Запах дерева и кожи смешивался с ароматом дикого чая из кафе. Михаил, не выпуская моей руки, уверенно вел меня к выходу, минуя очередь у ленты багажа.

Мы вышли на площадку перед аэропортом. Ветер, теперь уже ощутимо прохладный, трепал мои волосы. Миша встал позади, обвил руками мою талию и притянул меня к своей груди. Я почувствовала тепло его тела, стук сердца – уже не бешеный, как в порыве страсти, а ровный и спокойный.

– Смотри, – прошептал он, положив подбородок мне на макушку.

Прямо перед нами, заслоняя полнеба, высился гигантский хребет, освещенный последними лучами. Снег на вершинах горел розовым и алым золотом. Внизу, у подножия, уже лежала бархатная синева сумерек.

– Наш дом там, – он указал куда-то в ту синеву, в сторону темнеющего ущелья.

В его голосе звучало непривычное восхищение.

Он развернул меня к себе. В его взгляде была глубокая и бездонная нежность, та самая «духовная твердыня», о которой я думала, чувствуя его руки на себе.

– Добро пожаловать на Алтай, любимая, – сказал он и поцеловал меня.

Позади заурчал двигатель внедорожника. Михаил, не выпуская моей руки, повернулся к машине. Из неё вышел высокий, даже можно сказать могучий, широкоплечий мужчина с иссиня-чёрными волосами и, широко улыбаясь, направился к нам.

Его волосы, густые и живые, оттенком напоминающие глубокую ночь. Они были собраны в низкий, тщательно уложенный хвост у основания шеи. Несколько непокорных прядей выбивались около висков, оттеняя резкие линии скул, а гладкая масса собранных волос подчеркивала мощь его затылка и ширину плеч. Широкоплечий, он нес свою мощь не как груз, а как врожденное, гармоничное свойство. Его движение к нам было не просто шагом – это было уверенное, плавное заполнение пространства вокруг. Улыбка, которой он одаривал нас еще издаля, была открытой и прямой, растягивала твердые, но подвижные линии его лица, заставляя сверкнуть белизной зубов и смягчая на мгновение пронзительный взгляд его голубых глаз. Одет он был просто – темный худи и практичные штаны – казались лишь функциональным фоном для этого физического присутствия, не пытаясь его украсить или скрыть. Кажется, каждый элемент его – от собранных волос до ширины шага – говорил о контроле, о сознательном владении собственной силой, которой он не кичился, а просто позволял ей быть, как позволяет быть воздуху или земле под ногами.

– Мишка! Друг! Как же я рад тебя видеть! Шатун, дружище! – мужчина, крепко сжал протянутую руку Михаила, и потянул его в объятия. – А ты не изменился, всё такой же, как и восемьдесят лет назад.

– Да и ты, я смотрю, недалеко ушёл, Вук, – рассмеялся Михаил и дружески похлопал черноволосого мужчину по плечу.

Старые друзья ещё раз крепко обнялись, и тогда Михаил, улыбаясь, взглянул на меня.

– Милая, знакомься. Это мой старый друг – Сергей.

– Сергей, это моя жена – София.

Он обнял меня за плечи, и нежно поцеловал в висок. Я встретила взглядом с мужчиной, и, улыбнувшись, протянула руку:

– Рада знакомству.

Сергей пожал её осторожно, будто боясь причинить мне боль. Но я лукаво улыбнулась и ответила твёрдым, уверенным рукопожатием.

Мужчина взглянул на меня сначала вопросительно, потом – пронизывающе - пристально, а после громко рассмеялся и обернулся к Михаилу:

– Миш, а жена - то твоя, чую, не из простых. Сильна, – улыбка не сходила с его смуглого лица.

Взгляд его скользнул к старинному кольцу на моём пальце и снова вернулся ко мне.

Михаил посмотрел на друга серьёзно:

– А ты что, Вук, испугался?

Через секунду его лицо осветила насмешливая ухмылка. Он положил ладонь ему на плечо:

– Правильно делаешь, что побаиваешься. Она ещё сильнее нас двоих, вместе взятых, будет.

Сергей вновь посмотрел на меня, и в его взгляде мелькнуло что-то загадочное, но по-доброму тёплое.

– Рад знакомству, Софа. Можно на «ты»?

– Конечно, Сергей. И мне так будет удобнее, – я улыбнулась в ответ, и взяла Мишу за руку.

– Ну что, поехали? Ваш домик готов.

Мы отправились в путь, оставив позади здание аэропорта и его последние огни. Асфальт скоро кончился, сменился гравийной дорогой, которая вилась по краю спящей долины.

В салоне пахло смолой, горным воздухом, густым и холодным, просачивающимся сквозь щели. Сергей ловко вёл машину, переговариваясь с Михаилом на их странном, насыщенном намёками языке старых друзей. Я сидела сзади, прижавшись лбом к холодному стеклу, и смотрела, как мир за окном превращался в чернильный омут, где лишь силуэты высоких елей вырисовывались на фоне чуть более светлого неба.

Дорога пошла вверх, петляя вдоль склона. Река, которую я видела сверху лентой бирюзы, теперь была только глубоким, гулким рокотом в темноте. Свет фар выхватывал из мрака обломки скал, покрытых мхом, и внезапные провалы в никуда – обрывы в ущелье. Михаил, чувствуя моё напряжение, протянул руку ко мне и я вплела свои пальцы в его. Его прикосновение давало мне спокойствие.

– Вот и наш поворот, – сказал Сергей, и машина послушно съехала с основной дороги на едва заметную колею.

Мы медленно пробирались сквозь частокол высоких кедров. За последним поворотом, открылся удивительный вид.

На небольшой поляне стоял бревенчатый дом. Не избушка, а именно дом – сруб из толстых, тёсанных брёвен, почерневших от времени и непогоды. Он казался не построенным, а выросшим здесь, ещё одним детищем леса и камня. Двускатная крыша, покрытая толстым слоем серого мха, мягко очерчивалась на фоне звёзд. Из каменной трубы струился тонкий, прямой дымок, растворяясь в морозном воздухе. Ни одного соседнего огонька. Ни одного звука, кроме шёпота реки где-то внизу, и редкого треска веток в чаще.

Сергей заглушил двигатель.

– Ну, встречайте, – сказал он, вылезая из машины. – Всё по-старому. Печь истоплена, вода в бочке. Запасы есть. Связи – нет. Телефон – только у меня в машине, и то ловит плохо. Но зато какой воздух, какая природа! Такая красота может быть только на Алтае, – и он вдохнул грудью воздух.

Мы вышли. Воздух обжёг лёгкие своей чистотой и холодом. Михаил взял наши сумки и, попрощавшись с другом крепким рукопожатием и тихим «Спасибо, брат», повёл меня к крыльцу. Сергей постоял секунду, махнул рукой, развернул машину и скрылся в темноте леса. Звук мотора быстро растворился, и нас осталось двое – и этот огромный, безмолвный мир.

Крыльцо скрипнуло под ногами, Миша отворил тяжёлую, окованную железом дверь. Из тёплого мрака внутреннего пространства на нас пахнуло сухим жаром печи, воском и сушёными травами.

Он шагнул вперёд, и я последовала за ним. Дверь закрылась, отсекая внешний мир с его звёздами и шёпотом реки. Щёлкнул выключатель, и мягкий свет от лампы осветил главную комнату.

Это было одно большое пространство под сводчатой крышей из тёмных балок. Стены – те самые бревна, внутри теперь золотистые от полировки и времени. В центре – массивная печь из дикого камня, от неё веяло живым, добрым теплом. Книжные полки ломились от старых томов в потёртых переплётах. Большой деревянный стол. Деревянная тяжёлая кровать перед камином, в котором уже потрескивали, набирая жар, свежие поленья. Ни телевизора, ни лишних вещей. Простота, но в каждой детали чувствовалась мысль, забота, долгая жизнь.

Михаил поставил сумки, снял джинсовку и повернулся ко мне. В свете лампы его лицо казалось вырезанным из тёмного дерева, а в глазах отражались прыгающие язычки пламени.

– Ну вот. Только горы, тишина и мы, – сказал он тихо. – Тебе нравится?

– Я даже представить себе не могла, что когда-нибудь побываю на Алтае. Мне очень нравится. Спасибо, любимый. Это самый лучший подарок.

Миша протянул руку и я приняла её.

Тепло его ладони приятно разошлось по моему телу. Он, не потянул меня к себе, а лишь ждал. И я сделала шаг навстречу, позволив этому жесту вести себя. Мы остановились перед камином, где пламя уже разгоралось и отбрасывало на стены тени.

Я подняла руку, коснулась его щеки, провела пальцами по линии скулы, ощущая под кожей напряжение долгого пути, прорывающуюся сквозь него.

– Ты дрожишь, – его голос был низким, почти сливающимся с потрескиванием поленьев.

– Тебе показалось, – ответила я, хотя знала, что это не правда. Дрожь шла изнутри, от этой тишины, от близости, которая здесь, в этом забытом всеми месте, казалась невероятно огромной и хрупкой одновременно.

– Иди ко мне, – прошептал он и его губы коснулись моей руки.

Он наклонился, его лоб коснулся моего. Дыхание смешалось – тёплое и прерывистое. Я закрыла глаза, позволив раствориться в звуках дома: тиканье часов на полке, далёкий вздох ветра в трубе, ритмичный стук нашего сердца – сперва разный, а затем сливающийся в одно биение.

Первый поцелуй был не началом, а продолжением. Продолжением того взгляда, того прикосновения у машины, той тихой беседы, что тянулась между нами с самого утра. В нём не было спешки или жадности. Он целовал меня медленно, как пробуют редкое вино, ощущая всю его глубину и терпкость. Мои руки сами нашли его плечи, вцепились в ткань футболки, не чтобы притянуть, а чтобы удержаться в этой реальности, которая казалась сном.

Когда мы разомкнулись, чтобы перевести дыхание, в его глазах я увидела себя – хрупкую, затерянную в этом золотом сиянии, и в то же время бесконечно значимую. Его пальцы осторожно распустили узел моего шарфа, отбросили его в сторону. Каждое движение было обрядом, медленным и осознанным. Кофта упала на пол.

Он обвил мою талию и крепко прижал к себе. Мы стояли так, качаясь на месте в такт нашему дыханию, и постепенно танец стал плавным движением к кровати. Опустившись на мягкое лоскутное одеяло, он оказался сверху, опираясь на локти, чтобы не давить своей тяжестью.

Его руки скользнули под водолазку, ладони, тёплые и немного шершавые, легли на мою спину. Я вздрогнула от прикосновения, от простой, животной правды этого жеста. Водолазка медленно поползла вверх, и вот уже его губы коснулись ключицы, а затем – линии декольте. Каждый поцелуй, каждое прикосновение оставляло память на моем теле.

Не было стыда, не было спешки. Была лишь эта невероятная ясность.

Когда наконец не осталось преград, мы замерли на мгновение, глядя друг другу в глаза. В его взгляде не было и тени той хищной улыбки, что бывала там раньше. Было чистое, почти невыносимое обожание.

– Софа, – прошептал он мое имя, и в этом одном слове было всё. Все долгие годы одиночества, все тени прошлого, весь свет надежды.

– Я здесь, – ответила я, обнимая его за шею, и притянула к себе. – Я с тобой.

Мы лежали, сплетенные воедино, под грубым шерстяным пледом. Жар камина ласкал босые ноги. Дыхание выравнивалось, сердцебиение успокаивалось, вливаясь в тихий, величественный пульс спящего дома. Он лежал на спине, а я прильнула к нему щекой к груди, слушая стук его сердца. Его рука медленно гладила мою спину.

За окном сияли звезды. Но они больше не были чужими. Они были нашими. И тишина – эта огромная, живая тишина, больше не была угрозой. Она была колыбельной. Обещанием того, что здесь, в этой древней земле, под этим немym свидетельством гор, можно просто быть. Быть вместе.

Миша наклонился и поцеловал меня.

– Спи, – сказал он тихо. – Я рядом.

Слова его убаюкивали, я закрыла глаза, полностью погрузившись в тепло его объятий и в сладкую пучину сна.

Глава 2

Я проснулась от тишины, от отсутствия каких-либо звуков. В комнате царил хрустальный покой. Печь потухла, оставив лишь глухое, едва уловимое тепло камня. Свет из окна был уже не ночным, а предрассветным – пепельно-сизым, бесцветным, размывающим контуры вещей.

Я лежала на боку, прижавшись спиной к Мише. Его рука, тяжелая и теплая, лежала на моем бедре. Дыхание его было ровным, глубоким, но я чувствовала – он не спит.

– Ты давно не спишь? – прошептала я, не двигаясь.

Его пальцы слегка сжали мою кожу в ответ.

– Давно. Прислушиваюсь.

– К чему?

– К дому. К лесу. К тебе.

Он повернулся и его губы коснулись моего плеча. Прикосновение было настолько естественным, будто так и было задумано – просыпаться вот так, в тишине, от касания его губ.

– Холодно? – спросил он.

– Немного.

Он натянул на мои плечи сползший плед, притянул меня ближе. Мы лежали, глядя в окно. Контуры гор, которые вчера были лишь ощущением, теперь проступали как черная, зубчатая тушь на светлеющем небе.

– Хочешь встретить рассвет? – его голос прозвучал прямо у моего уха, низко и чуть хрипло.

– Здесь?

– Нет. Там, – он кивнул в сторону окна.

Мы поднялись, двигаясь медленно, будто боясь нарушить эту хрупкую тишину. Пол под босыми ногами был холодным и шершавым. Мы оделись, Миша открыл тяжелую дверь и нас обдало морозным, свежим воздухом.

Крыльцо скрипнуло иначе – звонко, по-утреннему. Воздух был настолько чист, что, казалось, можно было разглядеть каждую иголку на соснах. Река, невидимая в темноте, теперь угадывалась по серебристой ленте тумана, стелющейся в ущелье.

Мы сели на ступеньки, плечом к плечу, укутавшись в один плед. Где-то треснула ветка. Пронесся легкий, как вздох, ветерок, зашелестел высохшей хвоей на крыше. Мир не спал.

Сначала восточный край неба над гребнями гор окрасился в цвет переспелой морошки – нежно-розовым, затем алым, потом золотым. Лучи вспыхнули на макушке одной скалы, вот загорелась снежная полоска на другом хребте. Туман в долине за клубился, окрасился перламутром и сиренью. И вдруг – острый как игла, луч солнца брызнул из-за черного пика и ударил прямо в лицо.

Я зажмурилась. Но даже сквозь веки видела этот яркий свет. Когда открыла глаза, мир преобразился. Стал золотистым, пурпурным, глубоким синим.

Михаил сидел неподвижно, его профиль был резок и ясен в этом свете. Он смотрел не на солнце, а на меня. В его глазах отражалось все это великолепие – и алые отблески зари, и тихая усмешка, и что-то невыразимо древнее, знающее цену этим мгновениям.

– Видишь? – сказал он очень тихо. – Он просыпается. Весь этот мир. Каждый день – как в первый раз.

Я не нашлась, что ответить. Просто положила голову ему на плечо. Сердце наполнялось восторгом, благодарностью, смирением, ощущением, что мы – крошечная, но неотъемлемая часть этого пробуждения.

Солнце поднялось выше, разгорелось, стало ярким и добрым. Туман начал таять. Жизнь входила в свои права.

– Как же здесь красиво, Миша, – сказала я и посмотрела вперед.

– Да... – ответил он и помолчав спросил: – Проголодалась?

– Ужасно.

– Пойдем, – он поднялся и потянул меня за собой. На пороге – обернулся, еще раз посмотрел на долину, обнял меня за плечи и повел в дом.

Пока Михаил растапливал печь, я вышла на веранду, маленькую, застекленную, она была превращена в оранжерею. На полках, на подоконнике, даже подвешенные к балкам, стояли и висели горшки с травами. Мята, мелисса, чабрец, душица, какие-то незнакомые мне растения с мелкими листьями. Их аромат – густой и пьянящий витал в воздухе. Я услышала шелест, который издавал, раскачиваясь на ветерке от приоткрытой форточки, пучок засушенных алтайских трав, подвешенный к потолку. Он кружился медленно, казалось совершал древний и неспешный танец.

«С добрым утром», – прошептала я этому танцору.

Из комнаты донесся звук – скрип помпы, затем журчание воды. Я вернулась. На столе уже стоял дымящийся чайник, две глиняные кружки и тарелка с лепешками – золотистыми, с пузырьками. И мед – настоящий, густой, темно-янтарный, в грубой деревянной чашке.

Михаил стоял у стола. Он был босой, в простых темных штанах и футболке. Казалось, он врос в этот интерьер, стал его частью, еще одним предметом мебели, наделенным теплом и спокойной силой.

Услышав мои шаги, он обернулся, и улыбнулся своей широкой, открытой улыбкой.

– Чай готов. Лепешки – от Сергея, мед – здешний, с пасеки за перевалом.

Я подошла, прижалась лбом к его груди, чувствуя под тонкой тканью тепло и биение сердца. Он обнял меня.

В животе у меня заурчало и Миша, услышав этот звук улыбнулся.

– Давай завтракать, я тоже ужасно голоден.

Мы сели за стол. Чай оказался травяным сбором – душистым, смолистым, согревающим изнутри. Лепешки были слегка солоноватыми и мед к ним был идеален.

– Что будем делать? – спросила я, облизывая сладкий палец.

Михаил отпил из кружки, задумчиво глядя на меня.

– Давай просто погуляем.

– Давай, – согласилась я.

Воздух бодрил, солнце пригревало, но в тени лежал снег. Это было странно и прекрасно – июнь, а вокруг, в расщелинах и на северных склонах белели островки зимы.

Михаил вел меня по тропе. Мы шли молча, лес уже кипел своей жизнью. Вот стрекот белки, рыжим комочком мелькнувшей по стволу. Вот шум ветра в вершинах кедров – низкий, протяжный, как органнй гул. Вот далекий грохот камня, сорвавшегося где-то с высока.

Мы вышли на каменистый берег реки. Она была неширокой, но стремительной, пенной и холодной. Вода билась о валуны, отбрасывая в воздух миллионы брызг, в которых тут же рождалась и таяла радуга.

– Это – Катунь, – сказал Михаил. – Сердце Алтая.

Мы сели на большой, плоский, нагретый солнцем камень, и просто смотрели на воду. Бешеный, неудержимый поток действовал гипнотически. Я чувствовала, как вместе с шумом воды из меня вымываются последние осколки суеты, тревоги, вся шелуха прошлой жизни.

Рука Миши легла поверх моей. Мы не смотрели друг на друга. Мы смотрели вперед, на эту безумную, прекрасную стихию. Я поняла, что это и есть самое главное в «медовом месяце» – не страсть, даже не покой, а это глубокое, безмолвное соприсутствие. Умение просто быть рядом, деля не только тело и кров, но и тишину, и дыхание ветра, и вид одной и той же реки.

Вода, время, наше спокойное дыхание – все слилось в один вечный поток. И в этом потоке, под крики пролетавшего над нами орла, начался наш медовый день. День, в котором не было ничего, кроме нас и мира, принявшего в свое каменное, бесконечно терпеливое лоно.

– Хорошо, здесь. Правда? – спросил Миша и посмотрел на меня спокойным умиротворенным взглядом.

– Да, – согласилась я.

Он обнял меня и прижал к себе.

Мы просидели так, кажется, вечность, а может, всего несколько минут – время здесь отказывалось течь привычным образом. Вода, камни, солнце – все существовало в своем собственном, неспешном времени.

Я нарушила молчание, и с любопытством взглянула на Мишу.

– Ну, спрашивай, – сказал он, не поворачивая головы. – Чувствую, ты хочешь о чем-то спросить.

– Миш... Сергей тоже берсерк?

Миша посмотрел на меня, и улыбнулся.

– В каком-то роде да. Он ульфхендар – вечный воин как и я, только – волк. Мы знаем друг друга очень давно. Познакомились во время Великой Отечественной. Я тогда оказался в окружении немцев, а Вук – то есть Сергей – пришел мне на помощь. Да... не хотел бы я тогда оказаться на месте тех немцев. Он с ними разделался в два счета, даже не оборачиваясь волком. Быстро. Яростно. Без всякой жалости.

Он замолчал, и в его глазах я увидела все воспоминания того страшного времени. Миша сжал руку в кулак до хруста костяшек. Я положила свою ладонь на его и он, взглянув на меня, продолжил: – Позже я узнал, что он, как и я, способен оборачиваться. Как-то ночью проснулся от дикого воя. Сразу понял – волки. Вышел посмотреть, и увидел недалеко от дома раненого волка, который на моих глазах превратился в человека. Это был – Сергей. Он был подстрелен и серьезно ранен. Я помог ему добраться до дома, вылечил его. Так мы стали друзьями. Всю войну бок о бок. После – пути наши разошлись. Он уехал, жил в разных городах, потом перебрался на Алтай, женился и открыл свою мастерскую.

– Берсерк и ульфхендар – друзья... Разве такое возможно среди ваших родов?

– Почему нет? Мы существуем по одним законам. Не нарушаем их. Просто у волков своя жизнь, у нас своя. Так уж повелось. А Вук – верный и надёжный друг, на него можно положиться в любую минуту.

Михаил встал, потянулся, и кости его хрустнули тихим, довольным звуком.

– А почему он тебя назвал – Шатун?

Он снова улыбнулся и глаза его заблестели: – Ну, шатун – это же медведь, который не лег в зимнюю спячку или проснулся раньше срока. Я же медведь, зимой в спячку не впадаю. Вот Сергей и прозвал меня, так, по-дружески. А Вук – это его настоящее имя, как мое – Бьорн.

Я посмотрела на своего мужа и подумала: «Двадцать первый век. Я стала бессмертной. Я – жена берсерка, который оборачивается в медведя. У него в друзьях – охотник-медвежатник, который, по идее, должен охотиться на него, да еще в придачу, моя лучшая подруга – вышла за него замуж и ульфхендар – человек, который оборачивается волком. Но при всем этом – мне не страшно. Мне нравится моя жизнь не вопреки ее безумию, а благодаря ему. В ней все настоящее: гнев, опасность, верность, любовь. Она требует многого, но и дает все – чувство полного, абсолютного присутствия в собственном существовании. Я – жена берсерка. И в этой дикой, неправильной, прекрасной реальности, я наконец обрела себя».

– Пойдем дальше, любовь моя? – сказал он, улыбаясь и протянул мне руку, вырывая из моих размышлений.

Я протянула в ответ свою.

Мы двинулись вверх по течению, перепрыгивая с камня на камень. Ноги стали увереннее, будто сами запоминали неровности гранита. Лес по берегам редел, уступая место луговинам, покрытым низкой, приземистой травой. И тут я увидела их. Сначала краем глаза приняла за камни, поросшие рыжим мхом. Но они двигались. Маралы. Три огромных, благородных оленя стояли, склонив головы к земле, и щипали траву. Их шерсть отливала медью и золотом в косых лучах, роскошные рога подобные корням, вздымались к небу. Они не испугались нас. Только, самый крупный самец, поднял голову и посмотрел в нашу сторону. Его глаза были черными и влажными. Он просто наблюдал. Михаил замер, сжал мою руку в предостережении. Мы стояли, не дыша, как участники внезапно возникшего священного действия. Потом марал медленно, величаво отвернулся, видимо решил, что мы не представляем опасности. Его сородичи последовали за ним.

– Вот и хозяйева, – тихо выдохнул Миша. Голос его был полон почтительности.

Мы шли дальше, и я ловила себя на мысли, что перестала отмечать путь поворотами или приметными деревьями. Я просто доверилась мужу. Он был моим единственным ориентиром в этом таинственном мире.

Тропа вывела нас к подножию высокого и крутого склона, сплошь усыпанного осыпающимся сланцем. Миша обернулся.

– Справишься? Там, наверху... Тебе стоит посмотреть.

– Ты во мне сомневаешься? – игриво улыбаясь, спросила я, и не дожидаясь ответа, полезла первая.

Михаил довольно улыбнулся: – Моя девочка.

Он поддерживал меня и показывал, куда ставить ногу, выбирая самые надежные камни. Я карабкалась, чувствуя, как учащенно бьется сердце, но не от страха, а от адреналина и предвкушения. Дыхание стало горячим клубящимся паром в прохладном воздухе.

И вот мы на вершине, открывающей вид на все стороны света.

Долина Катунь лежала у наших ног, как выпуклая, сияющая чаша. Река сверкала в ней, изгибаясь змейкой. Лес покрывал склоны густым, колючим мехом, уходя к подножию синих, заснеженных пиков, которые теперь, при дневном свете, казались близкими, почти осязаемыми. Небо, очищенное от утренних красок, было холодного, пронзительного аквамаринового цвета. Я обернулась и увидела наш дом – крошечную темную точку на другом склоне, затерянную среди деревьев.

Михаил сел на камень, я опустилась рядом. Он достал из кармана маленькую, приплюснутую фляжку, открутил крышку и протянул мне.

– Согрейся.

Я сделал глоток. Жидкость обожгла губы, а потом разлилась по телу густым, смолистым теплом. Это был не спирт, а что-то травяное, горьковато-сладкое, пахнущее кореньями и таежным медом.

– Что это?

– Вук называет это «духом гор», помогает согреться, – он сделал маленький глоток и убрал фляжку.

Миша обнял меня за плечи и я прижалась к нему, чувствуя, как ветер развеивает мои волосы.

– Спасибо, – сказала я тихо.

– За что?

– За то, что привез меня сюда. За этот день. За все.

Он ничего не ответил, лишь прижал меня крепче. Его молчание было красноречивее любых слов. В нем была вся наша вчерашняя дорога, ночь у потухающей печи, утренний рассвет и эта прогулка. Целая жизнь, уместившаяся в одни сутки.

Солнце начало клониться к западу. Пора было возвращаться.

Когда мы вышли на знакомую тропу недалеко от дома, ноги гудели от усталости, но внутри бушевала странная, светлая энергия. В груди пело. Лес темнел, запахи становились гуще и острее – влажная земля, хвоя, холодок от ближайших снежников.

Дымок из трубы нашего дома вился в воздухе. Миша вошел первым, сразу подошел к печке и подбросил поленьев.

Я скинула куртку и почувствовала, как вся усталость мира навалилась на плечи вдруг, разом. Но это была благая и честная усталость.

– Я займусь ужином, – сказал он, снимая котелок с гвоздя. – Отдыхай.

Я не стала спорить. Мне нравилось когда он готовил. Нравилось наблюдать за ним. Я села в кресло у окна, завернулась в плед и смотрела, как он двигается по кухне – размеренно, экономично, без лишних движений. Звук шипящего масла, стук ножа по доске, слегка хрипловатый голос, напевавший что-то неразборчивое – это была самая древняя и самая уютная в мире музыка.

За окном наступали сумерки. Первая, самая яркая звезда зажглась над зубчатым гребнем гор. Я закрыла глаза, слушая эту музыку, и поймала себя на мысли, что не могу вспомнить, какой сегодня день недели. И это было прекрасно. Абсолютно, бесконечно прекрасно.

Две недели пролетели незаметно. Сергей отвез нас в город, где мы смогли взять машину на прокат и сделать необходимые покупки. Мы наслаждались солнцем, природой и друг другом.

Утро начиналось не с будильника, а с щелчка задвижки печи и гула кипящего чайника.

Михаил находил места, не отмеченные на картах, но от этого становившиеся только ценнее. По наводке Сергея, мы нашли узкую протоку, отходящую от главного русла. Берега ее были мягкими, поросшими осокой и низкими ивами, которые склонялись к воде. Там было мелко и так тихо, что было слышно, как под водой шевелятся водоросли. Мы приезжали туда с книгами, я читала, а Миша лежал и слушал мой голос. Иногда он заходил в воду по колено и подолгу стоял, глядя вдаль, а я шурилась на солнце сквозь листву, наблюдая, как играет свет на его спине. Это место не поражало, оно убаюкивало и мы могли провести так, целый день.

Иногда мы просто оставались дома. Миша возился с дровами, колот и складывал поленицу, а я, укутавшись в плед, читала вслух книгу, найденную на полке. Или мы вместе готовили ужин, и дом наполнялся ароматами тушеной картошки с грибами и свежее испеченных лепешек на сковороде.

Наш медовый месяц не был заполнен фееричными событиями. Он был наполнен состояниями. Состоянием легкой усталости после долгой прогулки, когда тело приятно ноет, а мысли чисты и прозрачны. Состоянием, бездумного созерцания пламени в печи. Состоянием, полного доверия к тишине, что висела между нами, к теплу его руки на своей спине и горячим, обжигающим поцелуям. Мы просто жили в этом доме, в этом лесу, дышали этим воздухом и по крупичкам собирали то простое, незыблемое счастье, которое потом, в шуме другого мира, можно будет долго и бережно согреть в памяти, как та фляжка с «духом гор», согревающая тело. Последние дни текли еще медленнее, будто время, понимая, что наш медовый месяц подходит к концу, сжалилось и растянуло каждый час.

Я осторожно убрала Мишину руку, обнимавшую меня, и встала с кровати. Накинула на плечи теплый пуховый платок, обула сапоги и, потихоньку открыв дверь, вышла на улицу. Вдохнула полной грудью свежий воздух, укуталась плотнее, и подняла глаза к небу.

Эти ночи я не забуду никогда. Небо – ясное, бездонное, кажется, рукой можно дотянуться до звёзд, которые здесь горят особенно ярко и крупно в воздухе высокогорий. Млечный Путь похож на гигантскую снежную тропу, протоптанную через тёмную тайгу небес духами гор. И вокруг – ни единого земного огонька, лишь холодное сияние вечных светил, отражающееся в горных озёрах и призрачное свечение вершин, покрытых вечным снегом.

Это место навсегда останется тем самым уголком земли, где природа сотворила настоящий рай, собрав воедино то, что не встретишь больше нигде: неистовую мощь рек, высекающих яшмовые каньоны, безмолвную мудрость величественных кедров, помнящих древние времена, и нежную хрупкость альпийского мака, пробивающегося у самой кромки льда... Алтай.

Я улыбнулась, и снова вдохнула этот воздух.

Тихий шорох донёсся из-за деревьев. Я резко повернула голову на звук, вглядываясь в темноту. «Может, зверёк какой решил заглянуть в гости?» – мелькнула мысль.

– Кто здесь? – прошептала я в темноту.

Шорох затих. Лишь какая-то птица, взмахнув крыльями, сорвалась с ветки и растворилась в вышине. Я ещё раз посмотрела в ту сторону, огляделась и, вздрогнув от холода, поспешила в дом.

Я сняла платок, поставила сапоги около двери и вернулась в постель. Миша не проснулся, лишь глухо вздохнул и притянул меня ближе, вложив мою холодную руку в свою горячую ладонь. Я закрыла глаза и прислушивалась к его дыханию. Ничего не случилось. Но что-то – тонкое, неуловимое – сместилось в воздухе и казалось ожиданием чего-то тревожного.

Я закрыла глаза, пытаюсь обмануть тревогу и погрузиться в сон. И вдруг – резкий, едкий запах. Гарь. Я приподнялась на локте, всматриваясь в сторону печи. Всё казалось в порядке. Но откуда же тогда этот тяжёлый, густой запах палёного дерева? Беспокойство, тихое прежде, накатило с новой, удушающей силой.

Я спустила ноги с кровати, подошла к окну – и застыла. Языки пламени лизали бревенчатую стену нашего дома, а в сторону леса, сливаясь с ночью, уходили две чёрные, поспешные тени.

– Миша! – крикнула я. – Миша! Вставай! – уже натягивая на себя одежду, закричала я. – Просыпайся!

Михаил вздрогнул, подскочил на кровати и, протирая глаза, хрипло спросил:

– Софа, что случилось?

– Мы горим! – в ужасе прокричала я, хватая его вещи, бросила на кровать. – Одевайся быстрее!

Он нахмурился, взгляд его изменился – стал твёрдым, как камень. Без слов, без суеты, машинально он стал натягивать одежду.

Я побежала к входной двери, дёрнула ручку – она не поддавалась, заперта снаружи. Обернулась к мужу, в моих глазах стоял немой ужас. Я знала – паниковать нельзя, но тело не слушалось. Михаил, в два прыжка, стоял уже у двери, упёрся плечом – массивные доски лишь глухо ахнули. Дым стелился по дому, дышать становилось тяжело. Огонь перебросило на крышу. Сверху, с чердака, послышался нарастающий грохот – падали балки.

Миша схватил меня за руку и потянул к выходу на веранду. Я прижала к лицу платок и побежала за ним. Дверь была открыта. Мы выскочили во двор как раз в тот миг, когда с оглушительным треском, рухнула одна из балок, увлекая за собой часть стены.

Я вцепилась в его руку и, задыхаясь, прошептала:

– Я видела... в окно... там были двое... они убежали в лес.

Его лицо огрубело, скулы выступили резко. Он посмотрел на меня. Я – на него. И мы поняли друг друга без слов. Охота началась.

Глава 3

Машина бесшумно спустилась по извилистой дороге и замерла. Мы вышли из машины и направились к дому Сергея. Михаил уже поднял руку, чтобы постучать, но тяжёлая дубовая дверь внезапно открылась сама. В проёме, освещенный светом из прихожей, стоял сам Сергей. Не говоря ни слова, он сделал шаг назад, и пригласил в дом. Михаил лишь обменялся с другом быстрым, серьезным взглядом.

Мы прошли по длинному коридору. Его стены сплошь были увешаны фотографиями разного формата – на них изображалась природа Алтая: вспененные реки, седые вершины в облаках, горные долины на рассвете. Сергей заметил, как мой взгляд скользит по этим снимкам.

– Работы жены, – пояснил он. – Катя – фотограф. Её сейчас нет, она уехала к матери.

– И хорошо, здесь не безопасно, – с облегчением вздохнул Михаил, и первым зашел на кухню.

Я последовала за ними. Сергей жестом пригласил нас за стол, а сам подошёл к плите и выключил взывавший чайник.

– В окно увидел подъезжающую машину. И почуял ваш запах, – его голос был ровным, но в глубине слышалось напряжение. – Что случилось?

– Нас хотели поджарить. Ночью двое подожгли твой дом, – начал Михаил, не отводя глаз от друга.

– Значит, чаем здесь не обойтись, – констатировал Сергей, доставая из шкафа бутылку коньяка и три бокала. Он налил жидкость в бокалы, сделал короткий глоток и перевёл на меня тяжёлый, испытующий взгляд. – Кто? И зачем?

Михаил положил свою ладонь поверх моей руки – тёплое, твёрдое успокоение. Я взглянула на мужа, потом – на Сергея.

– Мы догадываемся. Может быть – это берсерки. Они охотятся за кольцом, – ответил Михаил.

Сергей медленно сжал кулаки. Сухожилия на его руках выступили белыми жгутами.

– Ты понимаешь, чем такая охота может обернуться? Особенно для неё? – его голос налился свинцовой тяжестью. – Или ты думал, я не почувствовал, откуда у твоей жены такая сила? Она же обычный человек!

Последние слова вырвались сдавленным рычанием. Он, не сдержавшись, ударил кулаком по столу так, что бокалы подпрыгнули. В следующее мгновение Сергей встал во весь рост, нависая над Михаилом. Глаза его метали молнии. Михаил вскочил со стула, глаза его стали наливались янтарным светом: – Ты, что думаешь – я не понимаю этого? – рыкнул он в ответ.

Понимая, что сейчас мир разобьётся на осколки, я встала между ними. Голос мой прозвучал чётко и неоспоримо:

– Я бессмертна. И кольцо здесь ни при чём.

Лицо Сергея исказилось. Гнев, готовый вот-вот вырваться наружу, разбился о холодный шок. Он отшатнулся, растерянно уставившись на друга и на меня.

– Как... это возможно?

– Сядьте уже оба, и успокойтесь, – строго ответила я и посмотрела на Мишу.

И мы рассказали ему всё: про кольцо, про Валентина, про мои видения, про поездку в Норвегию, про Магнуса, про встречу с прародительницей и её дар, навсегда изменивший мою жизнь.

Сергей слушал. Не двигаясь. Безмолвно. И только тень в его глазах уходила все глубже и глубже.

– Вот это вы, ребята, дали... – он сел на стул, и посмотрел на меня: – Бессмертная... Хм. Это значит, что если я предложу сыграть в русскую рулетку, ты согласишься из вежливости? Нет, лучше не отвечай. Я пошутил, – и, сделав несколько крупных глотков, осушил бокал.

– Шутки шутками, но надо что-то делать. Да и непонятно, кто поджёг дом. У тебя нет врагов, Вук? – спросил Михаил, отпив из своего бокала.

– У меня? Да я самый добрый человек на земле, – расплылся в улыбке Сергей.

– Ну, а как же твоя... «вторая жизнь»? Неужели здесь за столько лет никто не знает о том, кто ты на самом деле? Твоя жена? Друзья? – осторожно спросила я, крутя бокал в руке.

Сергей расхохотался:

– Те, кто знали, кто я на самом деле, долго не жили после этого, – и его лицо резко стало серьёзным. – Ну, а если серьёзно... о моей, как ты сказала, «второй жизни» знает только моя жена. Я ей доверяю. Сказать кому-либо – она не могла. Родственников у меня нет. Здесь меня знают только как – Сергей – мастер по дереву. На охоту я уезжаю раз в три месяца за тысячу километров отсюда. Так что ребята, это скорее – по ваши души пришли...

– По наши души... – повторила я. – Разве у бессмертных есть душа? – я посмотрела на Мишу.

– Конечно есть! Бессмертие – просто продление жизни. Душа неотделима от тела. Нас также могут ранить, могут оставаться шрамы, мы можем испытывать боль. Единственное – нас может убить только огонь, – ответил Сергей. – Так! Не падать духом! Давайте рассуждать логически. Кто-то ночью поджог дом, в котором вы находились и они убежали, поджав хвост. Наверняка думают, что дело сделано. Если бы это были берсерки или ульфы, они не стали бы так действовать. Они бы дождались удачного момента и напали. Значит – это люди. Вас никто не видел?

– Не знаю. Наверное нет. Машина стояла на заднем дворе, и мы поехали к тебе по другой дороге. Можно предположить, что никто нас не видел, – ответил Михаил, понимая к чему клонит друг. – Нам надо уезжать и поскорее. Пока они не поняли, что дом сгорел без нас.

– Поздно. Они уже здесь, – сказал Сергей, отодвинув штору, и посмотрел в окно.

К дому подъехала машина. Двое коренастых мужчин вышли и направились к парадной. Раздался тяжелый стук в дверь.

– Сидите тихо. Я разберусь.

Сергей вышел из кухни, прошел по длинному коридору и остановился перед входом.

– Кто? – спросил он, наклоняясь к шкафу, и достал из нижнего ящика битую.

– Открывай, гости пришли, – ответил хриплый голос за дверью.

Сергей тихо откашлялся и, подражая тонкому голосу, произнес:

– А дома никого нет.

Один из верзил поднял брови в недоумении и переглянулся с товарищем. Тот пожал плечами:

– И сколько нам здесь ждать? Слышал? Дома никого нет.

Первый нахмурился, дал Второму подзатыльник и процедил:

– Ты тупой? Если никого нет, то кто тогда с нами говорит?

Второй робко спросил:

– А кто тогда с нами говорит?

– Сова, – тонким голосом отозвался Сергей, наслаждаясь простодушием незваных визитеров.

– Какая еще сова? Настоящая? – Второй, в руках которого был пистолет, почесал им лоб.

Первый туповато вглядывался в дверь.

Хозяин дома чуть не рассмеялся, но сдержался:

– Мультик смотрели про Винни-Пуха?

– Ну да. Прикольный такой. Там еще у медведя друг – Пятачок. Я люблю этот мультик, – ответил Второй, и на его лице расплылась улыбка.

Первый верзила стоял, и внимательно слушал, что будет дальше.

За дверью послышался тот же тонкий голос:

– Ну вот, я – та самая Сова из мультика. Вы пришли ко мне и должны сказать пароль.

Сергей сел на стул, положил биту на пол, взял со столика резиновое кольцо и начал сжимать его в руке, на его лице заиграла издевательская усмешка.

– Какой пароль? – с внезапным интересом спросил Первый, которому стало любопытно.

– Помните ту сцену, когда Винни-Пух с Пятачком пришли к Сове? Что сказал медведь перед дверью?

– А... понял! – радостно воскликнул Второй, полностью погрузившись в воспоминание,

– Сова! Открывай! Медведь пришел!

– Так это, что я получается Пятачок, что ли? – обиженно спросил Первый верзила, глядя на второго.

– А кто же? Я первый сказал пароль, значит я Винни-Пух, а ты Пятачок, – ухмыльнулся Второй и расхохотался.

– Че ты ржешь? Я по-твоему свинья? – Первый шагнул ближе и грудью надавил на товарища.

Началась небольшая потасовка, напоминающая драку двух петухов.

Первый резко остановился, услышав за дверью громкий, раскатистый мужской смех:

– Ты это слышал? Там мужик! Да он издевается над нами! – он рыкнул и начал колотить в дверь: – Ты меня разозлил! Открывай, а то дверь вышибу!

– Ну, попробуй, – хмыкнул Сергей, уже своим голосом, поднял биту и встал у двери.

– Че стоишь? Давай, выбивай! – рявкнул Первый на Второго.

Второй верзила отступил, разогнался и уже собрался выбить плечом дверь, но в считанные секунды она раскрылась, и Сергей подставил подножку. Громила упал, и проехал по коридору на животе прямо до кухни.

– Шатун! Принимай! – крикнул Сергей и, взглянув в открытую дверь, произнес: – Ну, здравствуй, Пятачок, – его лицо расплылось в ухмылке.

Первый верзила переступил порог и злобно процедил сквозь зубы:

– За Пятачка ответишь.

Не успел он броситься на Сергея, как тот ловко занес биту за спину и ударил так, что громила вылетел из дома на несколько метров.

– Давненько я не играл в бейсбол. Хороший удар, – довольный собой, Сергей обернулся в сторону Михаила. – Все в порядке?

– Да, – ответил тот, перевязывая руки лежащего, веревкой. – Посиди тут, и подумай над своим поведением, – Михаил похлопал громилу по плечу.

Я вышла из кухни, бочком обходя мужчину, который злобно смотрел на меня.

– Какая цыпа. Были бы мы одни... я бы с тобой поиграл в ...

Не успел связанный договорить, как разозленный Михаил со всей силы ударил его кулаком по лицу. Громила вырубился.

– Пошли, – сказал Миша, взглянув на меня.

Его грудь вздымалась, дыхание было частым, а глаза наполнились злобой.

– Миш, все хорошо, – я взяла его за руку и посмотрела в глаза, пытаясь утихомирить того зверя, который рвался наружу.

Мы вышли из дома. Сергей связывал Первого громилу во дворе, привязывая его к дереву.

Успокоившись, Миша взял на крыльце ведро с водой, подошел к связанному, и вылил на него все содержимое. Первый резко открыл глаза.

– Очухался? Прекрасно. Говори, кто вас прислал? – спросил он.

– Да пошел ты, – ответил громила, злобно уставившись на него.

Стоявший рядом Сергей медленно обернулся к бандиту. Его улыбка оскалилась, не суля ничего доброго.

– Я не люблю, когда портят мои вещи и обижают моих друзей, – процедил он ледяным тоном. – А ты со своим дружком, два тупых качка, сожгли мой дом и хотели убить моих друзей. Да ещё и в гости явились без приглашения. Короче, вы изрядно испортили мне настроение, и я начинаю злиться. А когда я злюсь... со мной происходят ужасные вещи. Хочешь испытать на себе?

Сергей снова оскалился, и в его улыбке на миг блеснули острые клыки.

Первый бандит посмотрел на хозяина дома и усмехнулся:

– Я ничего не скажу. Даже под пытками.

Сергей рыкнул, перевел взгляд на друга и на меня. Миша молча развернулся и направился в дом, за Вторым связанным. Тот уже пришел в себя и сидел, отчаянно пытаясь, освободиться. Михаил без слов вывел его во двор.

Второго привязали к дереву с другой стороны. Мы стояли, и наблюдали за пленниками.

– Что ты скажешь? – обратился ко Второму Михаил.

Тот посмотрел на меня, медленно провел по мне оценивающим взглядом, усмехнулся, затем перевел глаза на Мишу. Плечом дотронулся до своей челюсти, вспоминая удар, и хрипло ответил:

– Вы не представляете, с кем связались. Это страшный человек. Больше ни слова не скажу.

Сергей смотрел на бандитов и чувствовал, как его терпение иссякает. Он уже готов был обернуться волком, и разорвать их на куски – все равно толку от них никакого. Но вдруг его взгляд упал на дерево, высоко между ветвями он заметил улей. На его лице появилась довольная улыбка, и он перевел взгляд на нас.

– Миш, ты же любишь мед?

– Да. А что? – недоуменно спросил Михаил.

– У меня как раз дома есть замечательная баночка алтайского меда. Уверен, и ребятам он очень понравится, – он бросил взгляд на связанных громил, которые смотрели на него с непониманием.

– Ты что, нас медом собрался угощать? – усмехнулся Первый.

– Не вас. А их, – Сергей поднял глаза на пчёл, летавших возле улья.

Все подняли головы.

– Ну, ты даешь. Зачем им мед? У них свой есть, – рассмеялся Второй.

– Лишним не будет, – спокойно ответил Михаил, уже поняв замысел друга.

Сергей продолжил мягко, почти задушевно:

– В давние времена была такая пытка. Если человек не хотел говорить правду, его обмазывали медом и пускали на него пчёл. Пчёлы летели на запах... Поверьте, не самое приятное ощущение. Лицо распухает, появляется ужасный зуд, а если есть аллергия... то это всё. Конец.

– Ты этого не сделаешь! – выкрикнул Первый. Ухмылка с его лица исчезла, голос потерял уверенность.

– Слушайте, у меня аллергия на пчёл! Может, не надо? Мы всё расскажем! – залепетал Второй. В его глазах стоял настоящий ужас.

– Заткнись! – рявкнул на него Первый. – Они просто блефуют.

– Думаешь? – улыбнулся Сергей. – Присмотрите за ними, я схожу в дом.

Через пять минут он вернулся, довольный, с банкой в руках. Открыл её и присел рядом с бандитами.

– Чувствуете, какой аромат? – он поднес открытую банку к лицу Второго и глубоко вдохнул. – Ммм... Божественно. Смотри, – он поднял голову на верх. – Видишь, как пчёлы засуетились? Тоже почуяли.

Второй смотрел на него с немой мольбой.

Я не выдержала и подошла к Сергею:

– Может, не надо? Давайте оставим их здесь, вызовем полицию. Скажем, что они напали на нас.

Второй бандит уставился на меня, как на спасительницу, затем перевел взгляд на Михаила и Сергея:

– Лучше в полицию. Честное слово. Лучше в полицию. Пожалуйста. Не надо пчёл...

Сергей встал и подошел ко мне:

– Добрая ты душа, Софа. Но не забывай: нам надо узнать, кто за ними стоит. Они – всего лишь пешки. Их прислали убить вас. Просто так они не расколются. Сдадим их полиции – и тогда мы вообще ничего не узнаем. А так... – он покрутил банку с медом передо мной, – у нас есть шанс.

Я вздохнула и отошла к Мише. Он стоял с каменным лицом, наблюдая за происходящим.

– Ну что, ребята, с кого начнем? – довольный Сергей засунул палец в банку, облизнул его, и сладко причмокнул. – Какая вкуснотища! Пальчики оближешь.

Бандиты, точно зная, какая участь их ждет, с ужасом уставились на Сергея.

Сзади взвизгнули шины. Друзья обернулись и увидели, как из-за поворота вылетает машина. Притормозив недалеко от нас, из нее вышли четверо мордоворотов. Впереди шагал щуплый, невысокий мужчина. Он разительно отличался от тех, кто следовал за ним: элегантно одетый, в дорогой обуви, своей походкой он выдавал аристократические корни. Похоже, он был главным.

Шли они быстро и уверенно, и по их лицам сразу стало ясно: добра от них ждать не придется.

– Лучше бы вы, нас убили! – вымолвил Первый, взглянув на Михаила. – Теперь нам точно конец. Отпустите нас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.